

• ГЛАВА 1 •

ПРОПАЖА АГЕНТА

Вечером 10 июля 1913 года надзиратель второго разряда Петербургской сыскной полиции Иван Изралов не пришел на ежедневный доклад к чиновнику ПСП Левикову. Тот курировал Второе отделение наружной полиции¹, куда входили участки, за которые отвечал агент².

Левилов сперва не обратил внимания на неявку подчиненного. Титулярный советник был опытным служакой, а в 1907 году даже возглавлял Бакинское сыскное отделение, где пережил покушение на свою жизнь. Теперь Александр Степанович занимал в ПСП ответственную должность чиновника для поручений. Надзиратель не пришел на доклад — значит, был занят неотложным делом. Утром явится и отчитается.

¹ Полиция Петербурга после 1906 года разделялась на шесть отделений, в каждое входило по 8–10 участков. Отделения возглавляли полицмейстеры, подчинявшиеся градоначальнику. *(Здесь и далее — примеч. автора.)*

² Правильно — надзиратель, но в просторечье их часто называли агентами.

Но Изралов не явился и утром. Это уже было из ряда вон, и на дом к надзирателю отправился курьер. Он вернулся ни с чем: жена сказала, что сама беспокоится за мужа. Ушел вчера в пятом часу пополудни с загадочным лицом и с тех пор не возвращался. В дверях спросил: если меня повысят в первый разряд, что тебе купить с нового жалованья?

Чиновник немедленно доложил о происшествии начальнику сысской полиции статскому советнику Филиппову. Тот успокоил подчиненного: за сорок семь лет существования их службы ни один сыщик не погиб. Скорее всего, агент попал на горячий след и пошел по нему. Такие случаи бывали — надзиратели иной раз проезжали пол-России, филируя преступника. Доберется Изралов до телеграфа и сообщит, где он и что с ним... Но на всякий случай шеф велел осмотреть квартиру и рабочий стол Ивана. Еще он спросил чиновника:

— Что вы ему поручали из последних дел?

— Иван отвечает за Первый и Второй участки Нарвской части, — сказал титулярный советник. — Вы же помните, Владимир Гаврилович, что у нас там.

Статский советник крякнул:

— Да уж...

Участки были одними из самых беспокойных в столице. Они охватывали местности по левому берегу Обводного канала между Царскосельским проспектом и речкой Таракановкой. Один Скотопригонный двор чего стоит! А еще два вокзала — Варшавский и Балтий-

ский — плюс Митрофаньевское кладбище с его близостью к Горячему полю... Притоны Альбуминной и Старообрядческой улиц, казармы рабочих городской бойни, бесконечные лабазы тряпичников вдоль канала... Темные обираловки вокруг банов¹, в каждой из которых квартирует отдельная хевра мойщиков или скрипушников...² Пакгаузы железных дорог, как магнит притягивающие всю окрестную погань...

— А те два убийства тоже он дознавал? — насторожился Филиппов.

— Точно так. Без особого успеха, правда. Я уже собирался усилить Изралова другим надзирателем, да...

На этих словах чиновник схватил себя за подбородок:

— Неужели?..

— Что вспомнили, Александр Степанович?

— Да он вчера и мне строил загадочное лицо. А потом бросил через плечо: не цените вы меня, но я докажу...

В конце июня за оградой Воскресенского женского монастыря нашли два мужских трупа. Документов при них не было, и на установку личности ушло несколько дней. Полицейские выяснили, что это были отец и сын Зыковы, богатые прасолы из Усть-Каменогорска. Приехали торговать скот, получили выручку — и их заре-

¹ Обираловка — пивная; бан — вокзал (жарг.).

² Хевра — шайка; мойщик — поездной вор; скрипушник — вокзальный вор (жарг.).

зали. Двойное убийство — происшествие чрезвычайное, градоначальник Драчевский постоянно спрашивал о ходе дознания у Филиппова. Но юбилейные торжества¹ отвлекали все силы сыщиков. Наплыв приезжих, неизбежные мордобой и поножовщина в местах народных гуляний — чины ПСП валялись с ног и ждали осени.

Филиппов тяжело поднялся, почесал объемистый живот и сказал:

— Идемте.

Они вошли в комнату надзирателей и двинулись вдоль столов.

— Вот этот его, — указал на стол у окна Левиков. — Делит вместе с Дмитриевым и Гунтаревым.

— Господа, где ящик Изралова? — спросил статский советник у агентов. Один из них, Гунтарев, открыл створку:

— Здесь, ваше высокородие. А еще навалено сверху.

— Что такое?

Филиппов взял со стола сорок шестой том словаря Брокгауза и Ефрона.

— Иван забрал вчера у журналиста².

— Зачем?

— Не сказал, ваше высокородие. А вон там закладку видать.

¹ Трехсотлетие дома Романовых.

² *Журналист* — чиновник канцелярии, отвечающий за архив.

Статский советник раскрыл том на закладке и почернел:

— Вон оно как... Тут еще надпись.

Левиков взял из его рук полоску бумаги и прочел вслух:

— «Сусальников, Матвей, Екатеринбург». Абракадабра или подсказка, Владимир Гаврилович?

— А вот сюда посмотрите, — ткнул тот пальцем в колонку энциклопедического словаря.

— Платов? Тот самый, казачий граф?

— У нас, Александр Степаныч, свой Платов имеется. Нешто забыли?

Тут и Левиков дернул щекой:

— Ах ты господи... Не может быть! Он в столице? Хотя... в марте еще я получил об этом очень поверхностные сведения... докладывал вам, помните?

— Помню и не придал тогда значения, — кивнул начальник ПСП. — Вот и допрыгались. Найдем ли мы теперь Ваню? И думать об этом не хочется.

Филиппов оказался прав. Больше надзирателя второго разряда Ивана Изрлова никто никогда не видел. Ни живого, ни мертвого.

Спустя сорок восемь часов в отдельном кабинете ресторана «Англия», что на Офицерской, 17, собрались три статских советника. Компанию Филиппову составили делопроизводитель Восьмого делопроизводства Департамента полиции Лебедев и чиновник особых по-

ручений того же ведомства Лыков. Эти трое являлись лучшими сыщиками столицы. С недавних пор они установили обычай: раз в месяц встречаться и обсуждать накопившиеся вопросы. Сегодня начальник ПСП собрал коллег вне очереди — уж очень срочное было дело.

Выпив по первой рюмке и закусив, их высокородия переглянулись. Алексей Николаевич кивнул Владимиру Гавриловичу:

— Начинай. Ты насчет Изралова?

— Да.

— Так и не нашли?

— Боюсь, и не найдем.

У Лыкова на лбу появилась невеселая складка.

— Это он весной помогал взять Жоржика Могучего на том же Обводном?¹

— Он.

— Расторопный был...

Филиппов вздохнул, поправил на коленях салфетку и начал рассказывать:

— Имя Матвей на закладке и страница в словаре, на которой рассказывается про графа Платова, дают нам отчетливый след. Видимо, мой надзиратель обнаружил, что к убийству прасолов приложил руку некто Шелашников, бывший горнорабочий поселка Шайтанка Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Вы должны его знать — он уже пять лет как в циркулярном розыске.

¹ См. книгу «В отсутствие начальства».

Департаментские кивнули, но Лыков добавил:

— Уточни детали, а то мерзавцев всяких пруд пруди, всех не упомнишь.

— Этот особенный, — вздохнул главный столичный сыщик. — Зовут Матвей Досифеевич, лет от роду сорок пять, а кличка в уголовной среде — Граф Платов.

— Отчего так? — заинтересовался Лебедев.

— История длинная...

— Тогда махнем еще по рюмке, и продолжишь.

Они выпили, и Владимир Гаврилович задал неожиданный вопрос:

— Знаете, кто такие платирины?

Лыков пожал плечами. Но Лебедев, который много занимался классификацией примет, ответил:

— Это что-то связанное с носом. У платиринов он широкий.

— Верно, Василий Иванович. Платиринами называют представителей тех рас, у которых широкие носы. Это негры, негритосы и австралийцы. У них ширина носа в полтора раза больше, чем длина. А у европейцев, например, вдвое меньше. У иранцев или кавказцев соотношение еще меньше. Так вот. Наш герой имеет особую примету — именно такую картошку на лице вместо носа. Когда он в первый раз угодил в тюрьму, смотритель попался шутник и антрополог-самоучка. Он дал Шелашникову прозвище Платирин и даже записал его в статейные списки. Окружающие уголовники такого слова запомнить не могли и переиначили парня в Пла-

това. Точнее, Графа Платова. Опять же, оба крещены Матвеями.

Алексей Николаевич почувствовал недосказанность и уточнил:

— У парня задатки вождя? Казачьего графа в народе уважают, просто так его именем не называют.

— Да, наш горнорабочий недолго мыл золото. Вообще, с этим презренным металлом смолоду связана его жизнь. На Урале много золота, им занимаются все кому не лень. А где оно, там воровство, хищническая намывка, незаконная торговля. И кровь. Еще будучи шестнадцати лет, Шелашников убил у себя в Шайтанке десятилетнего. Он нашел самородок в полфунта весом и решил спрятать. Начальник увидел и отобрал. Так Матвейка зарядил ружье мелкими обойными гвоздями, пришел в контору и пустил гвозди обидчику в живот! Поскольку он был еще несовершеннолетний, попал в колонию, из которой вышел уже закоренелым преступником. Второй раз Шелашников зарезал скупщика ворованного с приисков золота, в той же Шайтанской даче¹. Вскоре попался, получил в подследственной тюрьме свою знаменитую кличку, а затем восемь с половиной лет каторги. Откуда и сбежал меньше чем через год. Это было в девятьсот третьем. С тех пор Графа Платова поймать не могут, а убийств на нем уже около десятка. С двумя

¹ *Дача* — земельный участок, занимаемый прииском, с лесом, полезными ископаемыми, разработками и прочим.

прасолами, считайте, дюжина. И он приехал разбойничать в Петербург, сволочь.

— Где их сиятельство промышлял все эти годы? — спросил Василий Иванович.

— Главным образом на Среднем Урале, в родной Пермской губернии. В лихолетье примыкал к банде знаменитого Лбова. Командовал своей шайкой, но с мотобригадой Робин Гудом тесно сотрудничал.

— Лбова давно повесили, — напомнил Алексей Николаевич.

— Да, пять лет назад. Но его многочисленных сообщников, а им счет шел на сотни, ловят по сию пору. Многие так и не получили наказания за свои изуверские подвиги.

Сыщики заторопились налить себе коньяку. Говорить о лихолетье им без крепких напитков не хотелось...

— Да уж, время было — не приведи господь повторится... — буркнул Филиппов.

Лыков потер шею — вдруг заболело в том месте, куда угодила пуля, выпущенная негодяем Варешкиным¹. Действительно, времечко было трудное, многие полицейские не сумели его пережить...

— Что дали поиски? — вернул всех в настоящее Лебедев. — Вы ищете третий день, каков результат?

— Результат ноль, — кисло ответил Филиппов. — След, который взял мой надзиратель, мы изучили.

¹ См. рассказ «Варешкин» в сборнике «Удар в сердце».

И ничего нам это не дало. На закладке была фамилия Сусальников. Так звали владельца тряпичного склада на Обводном канале, угол с Везенбергской улицей. Весь тот конец воровской, а тряпичники — жулики все без исключений!

В самом деле, промысел по сбору тряпья и других отходов оставался головной болью полиции. Владельцы складов, хозяева артелей являлись важными людьми в преступной иерархии столицы. Именно они укрывали похищенное, переделывали слам¹, содержали воровские шайки и служили при них наводчиками. Особенно дурной славой пользовались Тосина и Боровая улицы, там честному промышленнику вообще жить не пристало. Но и другие закоулки вокруг Обводного канала были не лучше. Опасное место!

— Так что Сусальников?

— Он сбежал в ночь пропажи надзирателя. Чем доказал свою к этому причастность. Мы наводим справки, но дело трудное. Ясно, что он никакой не Сусальников, документы поддельные, а склад его — логовище бла-тер-каина² крупного калибра. Мы отыскиали там то, что ребята не успели унести: хлопок и кожи с пакгаузов, десять фунтов платиновой жести, целую гору мешков с сахаром-рафинадом. А еще три магазинные винтовки и тысячу патронов к ним.

¹ *Слам* — воровская добыча.

² *Блатер-каин* — барыга, маклак, скупщик краденого.

— Винтовки? — оживился Лыков. — Террористам продавали?

— Многие купят такой товар, — осадил приятеля Владимир Гаврилович. — И кавказские абреки, и македонские повстанцы, и армянские боевики-дашнаки.

— Послали номера винтовок в Военное министерство?

— Разумеется. Ответа пока нет. Шерстим картотеку, посмотрим, на кого похож липовый Сусальников.

— А приказчики со склада? Кассир? Дворник дома, где проживал барыга?

— Приказчики врут, что ничего не знали. Кассир тоже. Дворник — пьяница. Посадить мы никого не можем, припугнуть нечем. Бумаги, переписка — все исчезло, он захватил их с собой.

— Двойное убийство плюс пропажа сыскного надзирателя — да тут любой следователь распорядится насчет ареста, — возразил Лыков. — А в предварительной тюрьме прижмешь и приказчиков, и кассира. Они много знают!

Филиппов скептически покачал головой: мол, тебе легко говорить... Тогда Лебедев веско спросил:

— Владимир Гаврилович, чем мы с Алексеем Николаевичем можем тебе помочь?

— Привлеките силы департамента.

— Конечно, но какие именно? Тебе нужна наша картотека?

— Да. Я пришлю завтра фотопортрет лже-Сусальникова и описание его привычек. Копните у себя, хорошо?

— Копнем, а еще что? Отпечатки пальцев барыги сняли?

— Там сотни отпечатков, и в конторе, и дома. Не разберешься, какие из них его.

Департаментские неодобрительно загудели. Разобраться можно, было бы желание! Пальцевые отпечатки стали брать сравнительно недавно, но их картотека уже приблизилась к ста тысячам. Это если считать с ГТУ¹ и сыскными отделениями.

Владимир Гаврилович поспешил свернуть разговор и обратился к принесенному горячему. Остаток вечера прошел в беседах о том о сем, сыщики тревоугодничали. Лыков рассказал, что семейство решило избавиться от лесного имения в этом году. Его товарищи понимающе закатили глаза: завтра может быть поздно. Весь думающий Петербург чувствовал тягостное и неизбежное приближение беды. Одни веселились, другие продавали недвижимость. Лебедеву с Филипповым продавать было нечего, а веселиться не получалось...

На другой день Алексей Николаевич получил пакет с Офицерской². В нем лежала карточка с изображением малого лет тридцати семи, с плутоватым выражением лица и тонкими поджатыми губами. Заурядный господин и какой-то сухой, с глубоко запрятанным харак-

¹ ГТУ — Главное тюремное управление.

² На Офицерской, 28, располагалась Петербургская сыскная полиция.

тером. Будто старовер, недоброжелательно отметил статский советник. Почему старовер? Он подумал и сам себе ответил: есть в этом сбежавшем делеге что-то от начетчика.

Весь день Лыков рылся в картотеке департамента, излазил архив Окружного суда, справился в ГТУ. Начетчика он не нашел, хотя в глазах уже рябило от регистрационных карточек. Статский советник не сдавался. Этот человек причастен к убийству надзирателя сысской полиции. В то, что Изралов жив, верилось с трудом... Сейчас десятки людей в столице ищут хоть какие-то зацепки. Они не успокоятся, пока не отомстят за товарища. Чиновник особых поручений в пятом классе при министре внутренних дел, прикомандированный для занятий в Департаменте полиции, — так длинно называлась должность Алексея Николаевича. А можно сказать одним словом — сыщик. Именно в таком качестве Лыков рыл землю, чувствуя себя с неимеющим чина надзирателем второго разряда братьями по крови.

Так... Осанка: выправка корпуса, манера держаться. Прозвище, кличка, ложное имя. Особенности жестикующия, гримасы, мимика. Природный язык, голос, иностранный акцент, областной выговор, наречие. Походка. Особенности одежды. Особые приметы. Привычки, слабости. Из допросов близких к тряпичнику лиц выяснилось, что он говорил чуть гнусаво, при ходьбе сутулился, любил шанежки с творогом (где бы их еще

взять в Петербурге) и в состоянии подпития сипло распевал «Врагу не сдается наш гордый «Варяг». Целая куча примет, но она ни к кому не подходила.

На другой день явился из отпуска загорелый Азвестопуло. Он начал было излагать шефу свои путевые впечатления, но тот заткнул фонтан красноречия коллежского асессора и велел помочь с поиском. А именно связаться с Московской сыскной: пусть пороются в своей картолке и попробуют найти любителя шанежек. Через кондуктора в Москву были посланы копия фотографии лже-Сусальникова и описание его примет.

Вышло так, что именно запрос в Первопрестольную дал результат. Люди Кошко¹ тоже чувствовали свою общность с пропавшим сыщиком и отработали на совесть. К концу недели стала известна настоящая фамилия тряпичника — Иван Пиньжаков, мастеровой поселка Шарташ Екатеринбургского уезда. Он действительно оказался старовером, их в Шарташе жило немало. Бандит из шайки того же Лбова по кличке Двоедан², он судился в 1907 году в Перми, за недоказанностью получил три года ссылки, из которой сбежал.

Итак, два злодея из одной хевры. Забытое дело осталось незавершенным. Недобитые птенцы «уральского Ринальдино Ринальдо» (так газеты именовали атамана)

¹ *Кошко Аркадий Францевич* — начальник Московской сыскной полиции (МСП).

² *Двоедан* — прозвище старовера.

расползлись по стране, отсиделись, переменили личность и опять взялись за старое.

Установив имена главных подозреваемых, полиция начала методичную работу по их розыску. Первым делом мобилизовали агентуру: Филиппов свою, а Лыков свою. У ПСП счет информантам шел на сотни, но это была главным образом «коридорная» агентура. Так называли мелких осведомителей, вхожих разве что в предбанник серьезной преступности. Воришки, мошенники, скупщики краденого, проститутки, половые в уголовных трактирах, «черные извозчики»¹. Состоящие с ними на связи агенты принимали ребят не на явочных квартирах, а прямо в служебных кабинетах на Офицерской. Люди в ожидании, когда их позовут, толкались в коридоре у всех на виду, потому и прозывались коридорными. Нарушений конспирации тут не было: подобную публику и так через день тягали в полицию для внушений и расспросов. Находящиеся на свободе мелкие уголовники всегда считались подозреваемыми по текущим делам, сыщики трясли их с утра до вечера...

Два-три десятка серьезных осведомителей, золотой фонд ПСП, работали иначе. С ними на явках встречались только чиновники сыскной или даже помощник Филиппова коллежский асессор Маршалк. А двух-трех человек принимал сам Владимир Гаврилович. Им зада-

¹ «Черный извозчик» — сообщник воров, помогающий со своим экипажем совершать кражи.

чи ставились другие: не подслушать разговор фартовых за бильярдом, а разузнать, куда спрятались бывшие лбовцы.

Алексей Николаевич пошел своим путем. Первым делом он назначил встречу Сорокоуму — столичному «ивану иванычу», вождю преступного мира Петербурга Ларьке Шишку, или Рудайтису, в миру капиталисту Вырапаеву¹.

Они позавтракали в ресторане «Бугорки» на Мясной улице, подальше от любопытных глаз. За соседним столиком пристроились трое парней, каждый из которых был ростом с циркового борца Кашеева². Еще один дежурил на улице, и карман у него сильно оттопыривал револьвер.

— Кого-то опасешься? — кивнул на охранников сыщик.

— На всякий случай, — пояснил «иван иваныч». — Говори, зачем побеспокоил. Мне в Италию ехать надо, а тут ты...

— Пропал без вести надзиратель сысской полиции Изралов.

— Ну и что? Я-то тут при чем?

Вырапаев-Рудайтис смотрел на Лыкова холодными волчьими глазами, в которых не было ничего челове-

¹ См. книгу «Паутина».

² Рост Григория Кашеева составлял 2 метра 18 сантиметров.

ческого. Алексей Николаевич понял, что разговор не задастся. Но следовало попытаться.

— Когда мы с тобой договаривались, ты сказал: везде должен быть порядок, и в фартовом мире тоже. Помнишь?

— Помню.

Статский советник начал горячиться:

— Убийство сыскного надзирателя, по-твоему, порядок?

— Трупа ведь нет? Нет. Почему вы решили, что тут убийство?

— Илларион Саввич, давай говорить серьезно. Что, Изралова держат где-то в подвале на цепи? И вскоре отпустят?

— Понятия не имею.

— Полно врать!

Лыков хватил кулаком по столу. Рослые ребята сразу вскочили и кинулись к ним, но «иван иваныч» жестом вернул их на место.

Собеседники помолчали, опрокинули по рюмке бенедиктина, и Рудайтис спросил:

— Алексей Николаич, какого лешего ты ведешь себя со мной как с капорником?¹ Который получает трешницу за доносы. Ничего не перепутал?

— Извини.

— Так-то лучше. Начнем сначала. Пропал сыскной надзиратель. Возможно, ты прав, его убили и где-то закопали. Что ты хочешь от меня?

¹ *Капорник* — секретный осведомитель полиции (*жафг.*).

Лыков потер вспотевшие вдруг ладони и заговорил спокойно:

— Знаешь, как я тебя называю в разговорах с Азвестопуло? Профессор Мориарти. Читал Конан-Дойла?

Бандит с усмешкой кивнул.

— Так вот, если ты Мориарти Петербурга, то обязан знать все, что творится в городе. А уж такое неслыханное преступление, как убийство надзирателя сыскальной полиции, тем более не могло пройти мимо твоего внимания.

Сорокоум продолжал молчать, только сверлил сыщика взглядом. Тот махнул еще бенедиктина, закусил каперсом и продолжил:

— Мы с тобой заключили соглашение. Не как лягач¹ с полицейским, а как две высокие договаривающиеся стороны. Ты от преступности, я от закона. Суть соглашения позволю себе напомнить: избегать крайностей. Правильно формулирую?

— Ну, в целом да...

— Не юли, ты ведь теперь не Ларька Шишок, как двадцать лет назад, а серьезный деловик.

Рудайтис тоже махнул рюмку и уточнил:

— Ты хочешь, чтобы я сдал тебе Графа Платова на блюдечке?

— Видишь, ты даже знаешь, кто убийца. Граф Платов, он же Матвей Шелашников. Он переступил линию,

¹ *Лягач* — то же, что и капорник: доносчик (*жарг.*).

которую нельзя переступать — казнил полицейского. Никакая власть не потерпит подобного.

«Иван иваныч» с издевкой парировал:

— Ваша власть спустит и не такое.

Лыкову очень захотелось врезать бандиту кулаком в челюсть, но делать этого было нельзя.

— Ты хочешь сказать, что убийство останется безнаказанным? — спросил он.

— Нет, почему же. Поймай его и накажи.

— Я ловлю. Но считаю, что ты должен помочь мне.

— С какой стати? — опять усмехнулся Рудайтис.

— С той, что негодяй переступил черту.

— Лыков, ты эту черту сам придумал. Нету ее. Фартовый сложил фигуриса...¹ Так жизнь устроена. Ты хочешь ее поменять? Утопист!

— Не должно быть подобного в державе, — упрямо настаивал сыщик. — Вы бегаєте, мы догоняем, это нормально. А убивать нельзя! За такое сразу в ящик.

Бандит вздохнул, словно устал от спора:

— Сними шоры. Или розовые очки, не знаю, как правильно. Держава твоя насквозь сгнила. В ней сейчас все дозволено. Чего верещишь, как малолетка? Не должно, переступил черту, в ящик... Пустые слова. Дам кому полагается сколько полагается и буду делать что хочу.

— Но...

¹ *Сложить* — убить; *фигурис* — сыщик (*жафг.*).

— Заткнись. Какая еще черта? Сильный поедает слабого спокон веку.

Таким Лыков своего антипода еще не видел. Сорокоум явно не хотел помогать сыщику. И фактически отменил все прежние договоренности. Что случилось?

Постепенно до него стало доходить. Еще год назад он подвел своего осведомителя Сурувикова к ближайшему помощнику «ивана иваныча» Никифору Ногтеву по кличке Верлиока. Этот старый разбойник держал на Амбарной улице резбенно-иконостасную мастерскую. Звали его сейчас по паспорту Чухонцев. Наружно он резал иконостасы, а на самом деле дирижировал торговыми операциями шефа. И не только торговыми, но часто и боевыми. Для этого при Верлиоке существовал карательный отряд. Лыков знал о двух ликвидациих, проведенных лиходеями, но начальству не докладывал. Убили-то разбойников, приятелей низложенного «ивана» по прозвищу Мезгирь, на котором крови было больше, чем на полевом хирурге...

Сурувикова еще весной доложил сыщику, что люди Рудайтиса занялись скупкой украденного с приисков золота. И быстро вышли на значительные обороты, особенно на Среднем Урале. Именно оттуда был родом Граф Платов. И с золотом он имел дело смолodu. Не иначе, Матвей Досифеевич стал уполномоченным Сорокоума по рыжью и наладил скупку и доставку его в столицу. Далее «иван иваныч» уже сам продавал его в Германию и Австро-Венгрию через евреев-контрабан-

дистов. Если догадка сыщика верна, питерский Мориарти не выдаст столь полезного человека. Можно уходить, беседа не получилась.

Конечно, Алексей Николаевич утаил свои мысли. Иначе Рудайтис догадался бы, что где-то возле него окопался лыковский освед. И сыщик сыграл обиженного. Он отодвинул тарелку с принесенным каплуном, встал и сказал резко:

— Так, значит? Вам теперь все можно? Ну, тогда и нам тоже все можно. Смотри потом, не пожалей.

И направился к дверям. Рослые парни опять вскочили и вопросительно смотрели на шефа. Тот махнул рукой: не мешайте, пусть уходит.

Так выстрел ушел в молоко. Но только на первый взгляд. Алексей Николаевич теперь знал, что разыскиваемый им злодей прячется под крылом Сорокоума. Это давало беглому, при возможностях «ивана иваныча», гарантию почти полной безнаказанности. Скорее всего, Рудайтис вывез разбойника из столицы и спрятал где-нибудь в провинции. Тем не менее шансы найти его есть. За Верлиокой установлено наблюдение, да и Суровиков в случае чего даст сигнал.

Прямо из «Бугорков» статский советник поехал на явочную квартиру на Газовой. По пути нанял «красную шапку»¹ и передал ему записку для Суровикова: быть через час в известном ему месте. Когда они встрети-

¹ «Красная шапка» — посыльный.

лись, полицейский изложил агенту ситуацию и поставил задачу.

— Захар Нестерович, — сказал он, — дело трудное и опасное. Они убили агента сыскной полиции! Впервые за сорок семь лет ее существования. И Сорокоум даже не стесняется содеянного. Рамок нет, что хочу, то и ворочу. Не так мы с ним договаривались, не так. Видимо, полезность бывшего горнорабочего перевесила здравый смысл. Надо не только поймать убийцу, но и поправить мозги «ивану иванычу». Иначе он так далеко пойдет.

— Что я должен делать?

— Войти в золотые обороты бандитов.

— И каким образом? — старик нахмурил седые брови.

— Не знаю. Думай сам, соблюдай осторожность. Я понимаю, напрямки нельзя. Закинь удочки и жди, когда клонет. Узнал же ты, что люди Сорокоума скупают краденое рыжье и возят его в Германию.

— Случайно однажды проговорился Верлиока. Второго раза может и не быть! Я продаю краденую мануфактуру, от рыжья стою далеко, и никто меня туда не пустит. Жди не жди, все равно не клонет. Вы, Алексей Николаич, поручайте, что по силам. А не так...

— Адамова Голова, — напомнил старому головорезу его кличку сыщик, — не сердись. Делай, что по силам. Раздвинь только уши на всю ширину. Любая вскользь брошенная фраза, любая случайная оговорка — все мне на стол. Договорились? За сведения плачу премию.

Освед, получающий с продажи краденой мануфактуры от Рудайтиса три тысячи в месяц, только хмыкнул. Но тут же насторожился:

— Вы намекаете, что прижмете мою коммерцию? Больно много стал зашибать?

— Нет, что ты, — успокоил барыгу сыщик. — Уйдешь — мне нового придется искать. А где его взять? Торгуй, что с тобой поделаешь... Но уши наостри!

• ГЛАВА 2 •

ПРО ЗОЛОТО И ПЛАТИНУ

Поиски двух бандитов зашли в тупик. Но Лыков был убежден, что «золотой» след рано или поздно приведет к ним. Он договорился о встрече с консультантом Монетного двора действительным статским советником Нетгальгорстом. Моложавый, умный, обходительный, консультант понравился сыщику с первых слов.

— Что у вас за интерес к нашим махинациям? — спросил хозяин кабинета. — И называйте меня Франц Христофорович.

Гость ответил:

— Спасибо, а я Алексей Николаевич. Вы правильно сформулировали: именно махинации и нужны. Много у нас золота проходит мимо Монетного двора?

— Точный подсчет невозможен по понятным причинам. Кто вам скажет, сколько он украл? Но мы думаем, что до половины реальной добычи минует казну. И происходит в нарушение закона на сторону.

— Куда?

— А это смотря какое золото, — усмехнулся Нетгальгорст. — Из Сибири и Приморья утаенный металл уходит главным образом в Китай, немного в Японию. Из Екатеринбурга — в Европу.

— Почему добытчикам выгоднее обходить казенные закупки?

— Цена другая, — пояснил действительный статский советник. — Ситуация меняется, но не радикально. Прежде была монополия государства на скупку золота. И цену казна держала низкую, причем десятилетиями. В тысяча девятьсот первом году политика вроде как изменилась. Вышел закон о свободном обращении драгоценного металла. Обязательную продажу шлихтового золота государству отменили. Требовалось сдавать его в казенную золотосплавочную лабораторию, но теперь лишь для очистки и апробирования. Потом можно было забрать его обратно в клейменных слитках либо требовать за него ассигновки с уплатой денег из Государственного банка. Частным лицам разрешалось открывать собственные лаборатории для сплава золота и очистки самородной платины. Также дозволили свободный ввоз и вывоз золота за рубеж. Все это проходило в рамках денежной реформы Витте. Казалось бы, вот она, конку-

ренности и свободные рыночные отношения. Но все это на проверку оказалось пшиком.

— Но почему? — с недоумением спросил сыщик.

— А потому! Золото не медь и не чугун, чтобы отдать его на волю рынка. От цены «падшего металла»¹ зависит денежное обращение империи. И скачки цен обрушили бы рубль. Поэтому правительство, ослабив на словах вожжи, на самом деле оставило контроль за собой. Оно по-прежнему устанавливает низкую цену на добытое золото, и скупщики не от казны вынуждены придерживаться ее. Чуть выше покупать с рук можно, а намного выше — нельзя. Министерство финансов сразу же прижмет. Поэтому подпольная продажа, в обход официальной, никуда не делась.

— И большая выходит разница в закупочных ценах?

Консультант ответил:

— Сегодня мы покупаем золото по пять рублей с копейками за золотник². А китайцы предлагали по девять и по десять рублей, сейчас же подняли до двенадцати! Вот добытчики и соблазняются.

Лыков записал цифры и продолжил расспросы:

— А в Европе сколько платят? Какие страны отличаются в незаконной скупке русского золота и как оно проходит таможеню?

¹ «Падший металл» — одно из разговорных названий золота.

² Точная цена золотника в 1913 году — 5 рублей 50 и 350/363 копейки. В золотнике 4,26 грамма.

— Через границу его тащат контрабандисты, евреи и чуть-чуть финляндцы. Больше всего покупает Германия. Роттердамские и венские ювелиры весьма охочи до золота, там тоже одни евреи. Словом, это их национальный промысел. Или, как говорят англичане, бизнес. Но цены в Европе более умеренные, выше девяти рублей за золотник не платит никто.

— И все равно выгодно?

Консультант пояснил:

— За морем телушка полушка, да дорог перевоз. Уральское золото в Поднебесную доставлять трудно, проще в Вену. Рентабельность все равно высокая.

— Так, понятно. Но какие объемы? Меня интересует канал именно в Европу.

Нетгальгорст зашелестел бумагами:

— В прошлом, тысяча девятьсот двенадцатом году, на Урале хорошо поработали. Казна купила пятьсот пятьдесят три пуда. Будем осторожно считать, что добыли и скрыли от государства половину от этого значения. Значит, двести семьдесят шесть пудов ушло за рубеж. Примерно...

— Ого! — сыщик присвистнул. — И на какую сумму можно предположить контрабандный вывоз?

— При цене девять рублей за золотник... — Консультант придвинул к себе счета и зацелкал костяшками. — Это тянет...

Он получил итог и даже привстал:

— Действительно ого! Девять миллионов пятьсот тридцать восемь тысяч. Не может быть. Я, верно, обсчитался. Преувеличил объем краж.

— Боюсь, Франц Христофорович, что скорее преуменьшили.

— Алексей Николаевич! Как же это так? — консультант бессильно развел руками. — Нет, я обсчитался, прошу меня извинить. Миллион-другой куда ни шло, но девять!

— Точную цифру нам никогда не узнать, — примирительно сказал статский советник. — Ведь воруют золото не только старатели и горбачи¹, верно?

— Увы, так и есть. Примерно поровну идет. Половину прячут от казны самостоятельные добытчики, а половину — управляющие приисков. Хотя...

Нетгальгорст опять защелкал костяшками:

— Уф... Все же я немного приврал. Посчитал чистое золото, а его надо сначала сплавить. В России три лаборатории: в Екатеринбурге, Благовещенске и Владивостоке. Если сплавлять в них официально, Министерство финансов узнает. Поэтому контрабандисты чаще всего тащат через границу песок или самородки. И уже немцы потом делают рафинад².

¹ *Старатель* — вольный добытчик, арендующий золотоносные участки у их владельцев; *горбач* — дикий старатель, хищнически добывающий золото в чужих участках.

² *Рафинад, рафинирование* — аффинаж, очистка металла от примесей.

— То есть надо вычесть примеси, — сообразил сыщик. — На сколько уменьшаем ваши миллионы?

— В уральском золоте?

— Да.

— Зависит от месторождения. В самом большом, Березовском, надо вычесть в рудном золоте примерно семнадцать процентов. А в россыпном — все двадцать пять. Но ведь при очистке выделяются серебро и платина! Они тоже дороги. Нет, точный подсчет все-таки невозможен.

— А кто тайно сплавляет золото? — не унимался Лыков. — Если хочется вывезти уже чистый металл.

— Ювелиры с преступным складом характера, — ответил консультант и саркастически добавил: — Вы таких, возможно, и знаете по роду службы, а?

— Пяток найдется, Франц Христофорович, и это только у меня. На самом деле их десятки. Но действительно ли в частной ювелирной мастерской можно сплавить чистое золото, выгнав примеси?

— Разумеется. Если большие тигли и мощная печь.

Тут Лыков вспомнил, что на складе сбежавшего тряпичника нашли платиновую жезь. И поинтересовался:

— А что у нас с платиной?

— В каком смысле? — не понял Нетгалгорст.

— Монетный двор ее тоже покупает?

Тут консультант удивил сыщика:

— Нет, этот металл нас не интересует. Монеты из него давно не чеканят.

— У меня дома есть монета в двенадцать рублей с надписью «чистая уральская платина», — похвастался Алексей Николаевич.

— Теперь она предмет коллекционирования для нумизматов. Такие монеты выбивали с тысяча восемьсот двадцать восьмого по тысяча восемьсот сорок пятый год. А потом прекратили.

— Почему?

— Чеканка обходилась очень дорого. А затем стоимость самого металла опустилась ниже номинала монеты. Ее стали подделывать за границей и ввозить в Россию. Чеканили трехрублевики, шестирублевики (они же дуплоны) и двенадцатирублевики (эти назывались квадрупли). Ваша самая редкая, всего их выпустили менее трех с половиной тысяч штук.

— Но неужели платина столь дешева?

— Цена на нее неустойчива, но постепенно растет. Все в руках англичан, а они делают, как им выгодно.

— Не понял. Какие такие англичане?

Нетгальгорст заговорил с досадой:

— Те, которые на острове сидят. Старые друзья русских, в кавычках, конечно. Дело в том, что платина тугоплавка, ее сложно спекать. Только в пламени гремучего газа. Технологию придумали в фирме «Джонсон, Маттей и Ко». И стали всемирными монополистами на много лет.

— Всемирными?

— Ах, Алексей Николаевич! Ведь платину в мире добываем только мы. Хотя она много где есть: в Бразилии, Пе-